

деть то, что количество домашних животных станет возрастать съ чрезвычайной быстротой. Теперь, когда большинство людей употребляет мясную пищу, количество домашних животных медленно возрастаетъ въ однѣхъ странахъ, въ другихъ не увеличивается и даже уменьшается, а изъ всей площади земли, взятой подъ сельское хозяйство, для прокормленія скота служатъ приблизительно 20 — 25⁰/₀; это пространство находится подъ пастбищами, естественными лугами и воздѣлываніемъ кормовыхъ травъ⁸⁶). На остальной площади, кромѣ лѣсовъ, воспитываются растенія, которыя идутъ въ пищу людямъ. Если бы потребленіе мяса совсѣмъ прекратилось, то за каждое десятилѣтіе количество домашних животных увеличивалось бы въ 2—3 раза. А если бы ихъ размноженіе шло гораздо быстрѣе, чѣмъ теперь, то пришлось бы съ каждымъ годомъ расширять площадь подъ кормовыми травами и сокращать пространство, на которомъ воздѣлываютъ растенія для людей. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не было бы мѣста (даже въ рѣдко населенныхъ странахъ) для производства такого количества растительной пищи, какое нужно людямъ. Оставался бы одинъ изъ трехъ исходовъ: человѣчество должно было бы снова перейти къ потребленію мяса, или насильственно ограничить размноженіе домашних животных (Толстой не говоритъ намъ, что готовъ одобрить насиліе этого рода), или же примириться съ возрастаніемъ смертности.

Не попадаетъ въ цѣль и то замѣчаніе Толстого, что, будто бы, многіе впадаютъ въ рѣзкое противорѣчіе съ самими собою: они не воздерживаются отъ мясной пищи, но не хотятъ смотрѣть, какъ убиваютъ животныхъ, не хотятъ думать объ этомъ, словомъ, обманываютъ самихъ себя. Я не вижу, почему говорить о самообманѣ въ подобныхъ случаяхъ: люди не хотятъ видѣть этого просто потому, что работа приготовленія пищи связана съ разными подробностями, которыя не представляютъ ничего привлекательнаго. Охотники же и рыболовы доказываютъ, что самый фактъ убійства животныхъ вовсе не смущаетъ людей: они спокойно и даже съ удовольствіемъ убиваютъ звѣрей, птицъ и рыбъ и нерѣдко тутъ же, на мѣстѣ охоты, употребляютъ ихъ въ пищу. Въ милліонахъ крестьянскихъ дворовъ хозяева и хозяйки сами убиваютъ животныхъ для домашняго обихода. Конечно, есть слабонервные люди, въ которыхъ видъ бойни вызываетъ чувство ужаса; но не забудемъ, что такіе люди сплошь и рядомъ настолько боятся одного вида крови, что не рѣшаются перевязать